

Впервые я услышал о Михаиле Светлове еще подростком, когда вся страна пела: «Каховка, Каховка, родная винтовка», а еще раньше зачитывалась «Гренадой». Довоенная популярность поэта была невероятной. Маяковский однажды на своем творческом вечере прочел наизусть «Гренаду». Светлов немного смутился: «Там рифмы плохие: «твоя» - «моя». На что Маяковский только махнул рукой: «Мне стихотворение так понравилось, что я даже не заметил, какие там рифмы».

Название стихотворения стало нарицательным. В наших кругах говорили, что у каждого поэта должна быть своя «Гренада». То есть что-то бесспорное. Некая визитная карточка. К примеру, что за поэт Алексей Сурков? Кто такой? На его стихи «Бьет в тесной пещурке огонь» написана знаменитая песня. Это его «Гренада». А если у человека нет своей «Гренады», то его поэтический дар вызывает сомнения...

- Светлов был призван на Великую Отечественную 38 лет от роду как военный корреспондент газет «Красная звезда», «На разгром врага», «Героический штурм»... Дошел до Берлина. А вы в 1942 году 17-летним парнем попали в воздушно-десантные войска. Как на фронте простые солдаты относились к человеку «с лейкой и блокнотом»?

- На войне мне попадалась только дивизионная газета - такой небольшой листок. Центральные и армейские издания оседали где-то в штабах. Из «дивизионки» к нам, случалось, приходил корреспондент. Относились к нему с уважением. Не было такого: дескать, мы тут воюем, а он там баклуши бьет. Понимали, что каждый делает свое дело.

Писатели тогда разделились на две категории: одни уехали в эвакуацию, другие пошли служить в действующую армию. Светлов рассказывал, что однажды во время боя к нему по траншею подполз офицер и, перекинув громконадой, спросил: «Это вы написали «Каховку»?» «Ну, я, а в чем дело?» «Да как же вас сюда пускают?..» - ужаснулся офицер. По своему характеру Михаил Аркадьевич не был строевым человеком. На нем, высоком и худом, гражданский костюм всегда висел мешком, а уж про военную форму и говорить нечего. Но все, кто с ним служил, отмечали его совсем не показную отвагу.

- Когда после войны вы учились в Литинституте, на занятиях Михаила Светлова приходилось бывать?

- Я занимался не в его семинаре, но тогда разрешалось ходить вольным слушателем к любым преподавателям, и я часто бывал «у Светлова». Он там устраивал - введливо и дотошно - разборки опусов своих учеников, привлекая к разговору всех студентов. Так, критикуя однажды «морские» стихи одного студента, он с иронией заметил: «От моря можно брать ясность, синеву, грозность... Но зачем брать воду?» Михаил Аркадьевич часто увлекался и начинал рассказывать случаи из своей жизни, с яркими подробностями, деталями.

Рядом с Литинститутом, на Пушкинской площади, находился знаменитый пивной бар номер четыре. Иногда Светлов переносил свои занятия в его подвальчик. Руководство института на такую вольность смотрело сквозь пальцы. А студентам его демократизм нравился. Те, кого не устраивал руководитель, в любой момент могли перевестись к другому. Но я что-то не помню случая, чтобы от Светлова кто-либо уходил.

- Говорят, поэт злоупотреблял спиртным...

- Алкоголизм и искусство - это серьезная тема, не предполагающая однозначной оценки. Многие выдающиеся писатели были с медицинской точки зрения законченными пьяницами. К таковым можно отнести, например, в американской литературе всех крупнейших прозаиков, включая и но-

Михаил СВЕТЛОВ

Константин ВАНШЕНКИН: У КАЖДОГО ДОЛЖНА БЫТЬ СВОЯ ГРЕНАДА

Легендарной балладе «Гренада» исполнилось 80 лет, а «Песне о Каховке» - 70. Без них советская поэзия была бы неполной. Их автор, знаменитый поэт Михаил Светлов, для людей старшего поколения фигура знаковая: в его жизни и творчестве отразились судьба и мироощущение многих его ровесников. Подростком вступил в комсомол. В Гражданскую воевал стрелком-красноармейцем и редактировал журнал «Юный пролетарий». Свой первый сборник стихов «Рельсы» опубликовал в 20 лет. К нему рано пришла слава не только поэта, но и юмориста, балагура. В хрущевскую оттепель его шутки пересказывали в компаниях, а его именем называли улицы, шахты и пароходы. Каким он был? Мы попросили рассказать о Светлове хорошо его знавшего поэта Константина ВАНШЕНКИНА.

белевских лауреатов: Фолкнера, Стейнбека, Хемингуэя, Фицджеральда, Джека Лондона, Эдгара По... Эти люди пили каждый день. В то же время они создавали замечательные книги.

Блок, обращаясь к обывателю, который «доволен собой и женой, своей конституцией куцой», сказал: «А вот у поэта всемирный запой и мало ему конституций». И я бы добавил, даже конституции США. Трудно судить, чего не хватало американским литераторам, но наши пили от безысходности жизни, от несправедливости, бедности...

Светлов ежедневно поддерживал в себе состояние легкого хмеля. Не знаю, мешало ли это его поэзии, но в интеллекте никаких разрушительных последствий не наблюдалось. Поэт оставался все таким же ироничным и мудрым. К сожалению, все пьющие литераторы мира умирали рано...

- Михаил Аркадьевич легко сходился с людьми?

- Его знала вся Москва. Он был в этом уверен и даже с незнакомыми людьми общался исходя из этого обстоятельства. В 1951 году меня избрали в творческое бюро московских поэтов. С тех пор мы регулярно встречались на различных заседаниях. Бесчисленное количество раз сидел я с ним в ресторанах за столами и столиками, крытыми скатертями и клеенками. Обычно к столу Светлова подтягивались со своими стульями еще многие. Народ то и дело раздражался взрывами хохота, привлекая всеобщее внимание. Душой компании был Михаил Аркадьевич. Но, раскрутив маховик застолья, Светлов часто терпел интерес к происходящему, углублялся в себя, а люди расходились. И нередко можно было видеть, как в

окружении пустых стульев дремлет за столом одинокий Михаил Светлов в обсыпанном сигаретным пеплом пиджаке.

Как-то на бюро мы проработали одного злоупотребляющего спиртным поэта. Тот по молодости и по глупости оправдывался: «Что тут такого? Пушкин пил. Есенин пил. Саврасов пил. Даже Моцарт пил!» Наконец кто-то возмутился: «Что же пил Моцарт?» И тут откликнулся Михаил Светлов: «А что ему Сальери наливал, то и пил!»

- Многие боялись острого, беспощадного на язык Михаила Светлова. А сам поэт не опасался шутить во времена, когда за анекдот можно было получить приличный тюремный срок?

- Он не считал нужным остричь для поддержания репутации. Получалось само собой. Он действительно часто позволял себе довольно смелые выпады, но диссидентом Светлова никто не считал. Хотя у него есть жесткие строки. Например, написанное к 10-летию Октября стихотворение «Пирушка». Там чекисты отмечают праздник. «Пей, товарищ Орлов, председатель Чека. (...) Эта ночь беспощадна, как подпись твоя». И дальше: «Сумасшедшие годы знамена несли, десять красных безумий горят позади, десять лет - десять бомб разорвались вдали, десять грузовых осколков застряли в груди. (...) Мой застенчивый друг, раскраси мне о том, как пылала Полтава, как трясся Джанкой, как Саратов крестился последним крестом». Непонятно, как такое пропустила советская цензура.

Однако по духу Светлов был вполне советским человеком. Конечно, можно привести сколько угодно примеров, показывающих, что и таких преданных людей сажали и расстреливали. Но, к сча-

стью, чаша сия поэта миновала. Однако судьбу Михаила Аркадьевича не назовешь счастливой. Ему никто не завидовал. В личной жизни не повезло. А в поэзии после яркого начала и длительного пика довоенного успеха, после войны его слава пошла на спад. Тогда в литературу пришли новые люди, ярко и пронзительно рассказывая о пережитой войне. Как он сказал в своей «Гренаде»: «Новые песни придумала жизнь». Но Светлов на военную тему почти ничего сколько-нибудь заметного не сказал. Цикл стихов о Лизе Чайкиной - не в счет. Это значительно слабее «молодого Светлова». Вообще, поэт оставил после себя не так много стихов. И не все там равноценно.

- В зрелые годы он сохранил романтизм комсомольской юности?

- Это был уже грустный романтизм. Никому из новых комсомольцев и в голову не приходило, подобно главному светловскому персонажу - мечтателю хохлу, сказать: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Однако вот заметное, но декоративное стихотворение времен Великой Отечественной - «Итальянец»: «Молодой уроженец Неаполя, что оставил в России ты на поле? Почему ты не мог быть счастливым над родным знаменитым заливом?» - говорит поэт от лица убившего его советского солдата. А как же быть с «Гренадой»? Значит, когда дело касается нашей земли, мы не терпим чужого вмешательства, но сами можем влезть на чужую испанскую землю, чтобы отдать ее каким-то там крестьянам, в то время как у себя в стране Гражданская война, разруха, голод... Этот ложный посыл всемирной революции, эта наша не оправдывающая себя отзывчивость звучат очень по-

русски. Это наше, подсознательное. Правда, самая сильная светловская строчка: «Отряд не заметил потери бойца» - по-прежнему актуальна, показывая, как пренебрежительно страна относится к судьбе отдельного человека. После Великой Отечественной прошло более шестидесяти лет, а сколько еще останков наших солдат не захоронено!

До войны под влиянием «Каховки» («Каховка, Каховка, родная винтовка») возникли еще две популярные песни: «Орленок» («Орленок, Орленок, взлети выше солнца») Шведова и Белого, а также «Партизан Железняк» («В степи под Херсоном - высокие травы») Голодного и Блантера. В них идентичны стихотворный размер, ритм, и даже музыка похожа на творение Исаака Дунаевского. Но интересно, что после войны популярность «Каховки» сошла на нет. Ее перестали петь. Не только из-за строчек «Мы - мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!» В первые дни войны все увидели, что никакого «бронепоезда» у нас нет. И вообще послевоенная переоценка духовных ценностей в сознании общества обесценила многих кумиров прежних дней.

- Герои Светлова умирают легко... А сам поэт как относился к смерти?

- Умирая в больнице от рака, он вел себя мужественно. В последний раз мы виделись в один из его побегов из клиники. Когда сидели на веранде Дома литераторов, он мне вдруг сказал: «Знаете, старик Ваншенкин, чем отличается мода от славы? Мода никогда не бывает посмертной. Посмертной бывает только слава».

Уйдя от доброго романтизма юности: «Простите меня, - я жа-

лею старушек, но это - единственный мой недостаток» (1927 г.), поэт на исходе жизни приходит к мысли: «Вся горечь жизни и все страдания - они мои». И это тоже Светлов.

- В одной мемуарной книге сказано: «Когда Светлов в последний раз лежал в больнице, гонорар, присылаемый из разных издательств, горкой складывал на тумбочке. У всех приходивших поэт спрашивал: «Тебе нужны деньги? Возьми, отдавать не надо». А ухаживающего за ним сына попросил: «У здешней няни есть внук шести лет. Поезжай с ним в «Детский мир» и купи ему все новое: ботиночки, пальто, костюм. Старухе будет приятно».

- То, что Михаил Светлов был человеком широкой и щедрой души, - чистая правда. Но только у него никогда не водились большие деньги. Мне трудно представить описанную выше сцену с горкой денег на больничной тумбочке. Поверьте, поэт получал не ахти какие гонорары...

- В последние годы поэзия Светлова исчезла из школьных и вузовских программ, ее не встретить в новых поэтических сборниках...

- Очень жаль. Но сегодня забыты и многие более известные авторы. Литература - это не миллионные тиражи книг удобных кому-то литераторов, обесцененные, как инфляционные деньги. Литература - это некий «золотой запас», который обеспечивает уровень культуры народа. Его необязательно поминутно вытаскивать из кармана, предьявляя миру. Но все знают, что он есть. И творчество Михаила Светлова как раз относится к этой категории...

Беседу вел Анатолий СТАРОДУБЕЦ